

Тимур Расулов

Научи меня любить

Размышления о практическом освящении

2-е издание, без изменений

ЛЕВИТ

Здолбунов

2020

УДК 283/289
Р24

Редагування: Шайфулін І. В.
Верстка: Раугас О. О.
Підготовка до друку: Бортнійчук А. В.

Расулов Т. Ю.

Р24 Научи меня любить. Размышления о практическом освящении — 2-е изд., без изменений – ФЛП Бортнійчук А. В. (Издательство «Левит»), 2020. — 240 с.

ISBN 978-966-97683-0-8

Освящение, греховность, благодать, познание Бога, построение отношений, самоправедность — на эти и другие темы рассуждает Тимур Расулов в контексте главной проблемы, обозначенной в названии книги. Он не ставит перед собой задачу научить других любви. Эта книга — своеобразная исповедь его собственных частых неудач в исполнении этой заповеди. Она написана простым, доступным языком для широкой аудитории.

УДК 283/289

ISBN 978-966-97683-0-8

©Издательство «Левит», 2020

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Грехопадение	13
Глава 2. Закон Божий	41
Глава 3. Познание греховности (часть 1)	57
Глава 4. Познание греховности (часть 2)	79
Глава 5. Обновление ума	97
Глава 6. Познание Бога	125
Глава 7. Обличение благодати	151
Глава 8. Построение отношений	175
Глава 9. Манипулирование	201
Заключение	227

*Посвящается
Константину Андрееву и Петру Аникееву —
моим близким друзьям и наставникам.*

*Братья, вы были и остаетесь для меня
Христовым увещанием, обличением и утешением.
Эта книга — плод Божьей работы с моим сердцем через вас.*

Особую благодарность и признательность за редакторскую помощь я выражаю Алексею Минаеву, Дмитрию Чубукину, Игорю Гердову, Дмитрию Шпилько, Михаилу Швецову и Игорю Шайфулину. Дорогие братья, я очень нуждался в ваших исправлениях, замечаниях и поправках.

Введение

Я устал! Устал от себя, от постоянного несоответствия между тем, кто я есть, и тем, кем должен быть. Всякий, кто рожден свыше, прекрасно понимает, о чем речь. Несмотря на то, что я сам (и окружающие) вижу плоды работы Духа Святого в своей жизни, процесс обнаружения новых изъянов движется быстрее, чем процесс избавления от старых. Это как не закончив ремонт в одной квартире, параллельно начать работу еще в трех. И вот ты разрываешься между несколькими объектами, толком не успевая нигде достичь реального прогресса, а в это время небесный Прораб подкидывает тебе новую работенку. Мало того что подкидывает, Он еще одновременно обнаруживает брак и недочеты в предыдущих заказах, заставляя чуть ли не полностью переделывать уже «отремонтированные» помещения. Другими словами, скорость, с которой я постигаю истину «лукаво сердце человеческое, более всего и крайне испорчено» (Иер. 17:9), *значительно* выше, чем скорость, с которой мое сердце преобразуется в подобие Христово.

Позвольте уточнить, чтобы не вызвать недоумения. Я не становлюсь хуже, но напротив, духовно расту. Однако чем больше я познаю Бога, тем явственнее ощущаю, как же я далек от Его стандартов. В момент обращения я понятия не имел, какой я на самом деле. В темноте не понять, насколько ты нечист. По мере просвещающего действия истины Слова мы постепенно выходим из мрака на свет. Наша субъективная реальность начинает все больше и больше соответствовать объективной, и становится очевидно — мыться придется долго и тщательно. Теперь я яснее вижу несоответствия Божьим критериям. Если двадцать лет назад понятие «грех» для меня сводилось к явным и заметным преступлениям, таким как убийство, воровство, сквернословие, пьянство и тому подобное, то теперь всевозможные проявления внутренней нечистоты бросаются мне в глаза на каждом шагу. И это не менее «грешные» грехи. Я замечаю их не только в поступках и словах, но также в собственном тоне голоса, в мимике, образе мышления, намерениях, желаниях, эмоциях, реакциях, мотивации, мечтах. Вглядываясь в сердце, я с ужасом обнаруживаю стремления, которые не собираются соответствовать моей новой природе.

Вот кто-то меня сильно обидел, и привычная жалость к себе подкатывает к горлу терпким комом. И, сочувствуя себе бедному, нестерпимо хочется навсегда похоронить этого негодяя в братской могиле личных врагов где-то на заднем дворе сердца. А вот близкий, против которого я только что согрешил, и теперь ясно понимаю, что надо просить прощения. Но тут же, в эту самую секунду, нахожу несколько причин, почему можно этого не делать. Все же заставляю себя сквозь зубы извиниться, изо всех сил стараюсь не оправдываться, как это обычно бывает, разделяя ответственность за свой грех с «ты сам первый начал», с тяжелым днем, неважным самочувствием, неправильно понятыми

намерениями и чем угодно. Боже мой, я не всегда способен как следует попросить прощения, взяв на себя сто процентов вины! И даже переборов себя и избегнув оправданий, вижу не искреннее, горестное сокрушение о своем поступке, а стремление поскорее проскочить этот позор, как будто ничего не произошло.

Вот я в очереди в поликлинике, ожидаю уже сорок пять минут. Опаздываю! Врач где-то ходит, как обычно. Наглец! И я борюсь с ненавистью и ненормативной лексикой. Вот я в магазине, ловлю на себе недоверчивый взгляд охранника. Он ходит за мной по пятам. Подозревает! Меня?! Он что, совсем спятил — не может отличить порядочного человека от проходимца?! И я жажду мести — больше никогда сюда не приду и ничего не куплю. Вот бомж, который копается в мусорке, ища, что поесть. Мне безумно жаль его, хочется подойти, дать денег и сказать: «Мужик, на, вот возьми, купи себе еду, и умоляю, перестань здесь рыться». Но я боюсь, что он, оскорбленный моей жалостью, изрыгнет какие-нибудь проклятия, и я прохожу мимо. Вот мой попутчик в поезде сидит с подчеркнуто неприступным видом, опасливо косясь на мою Библию, и надо бы уже давно ему «заблаговестовать», но я боюсь, что он презрительно обрубит разговор. И я, злой одновременно на свою трусость и его отчужденность, упрямо молчу всю дорогу.

Вот мой младшенький скрипучим и требовательным голосом вырывает меня из сладких объятий сна. Он потерял соску в темноте. Третий раз за ночь! Надо, надо проявить заботу о жене и встать. Но как же это тяжело — оторвать от подушки себя любимого и пройти два метра до кровати сына! И я жду некоторое время в надежде, что моя дорогая меня опередит. Но она в мире снов, а ее тихое и мерное посапывание звучит, как громогласный призыв комбата — в атаку-у-у! И, нечеловеческим усилием воли поднявшись из уютного окопа под пули, ощущая себя трижды героем России и напевая «Прощание славянки», я иду на грохочущие танки врага.

А утром за завтраком жду почестей. Но церемонию награждения прерывает мой средний сын, очередной раз пролив стакан молока. И я внутренне негодую, едва сдерживая раздражение. А через полчаса они со старшим братом в сто первый раз сходятся в смертельной схватке за право первым войти в лифт, разыграв перед этим пальму первенства еще в пяти сомнительных номинациях. Следом моя драгоценная супруга в свойственной ей прямолинейной манере без реверансов и оговорок замечает, что не мешало бы мне чуть активнее заняться воспитанием детей. Чудесно! Контрольный выстрел в мою уже поверженную утреннюю «духовность» сделан. И Павлов «мотивирующий» приговор всем семейным: «... но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль», тоскливым лейтмотивом резонирует в голове, пока я «окрыленный» бегу из дома, чтобы послужить кому-то более благодарному.

Этот список поражений можно было бы продолжить и заполнить им всю оставшуюся книгу. Постепенно понятие «духовное поражение» приобрело для меня четкую формулировку. Главным показателем тотального несоответствия Божьему характеру является моя неспособность любить. Порой мне кажется, что естественным образом я вообще этого делать не умею. А приглядевшись к тем, кого «люблю», понимаю, что это не даром, а лишь ответное благорасположение. Но разве это любовь?!

Своим введением я лишь начинаю распаковывать проблему, обозначенную в названии книги. Дальше будет хуже. Цель данной работы, скорее, диагностическая. Я хочу описать масштаб и глубину проблемы, сейчас лишь наметив основные библейские предпосылки к ее решению. Принципиально важно понять: для того чтобы учиться любить, нужно сначала *видеть, осознавать, чувствовать*, когда это не получается. Первым шагом к решению проблемы является ее признание. Это вам скажет любой анонимный алкоголик, и будет прав!

А что мешает видеть, осознавать, чувствовать и признавать? Самоправедность! О ней также будет много сказано. Самоправедность — религиозная ипостась гордыни, морализированная надменность, извращающая новую жизнь христианина. Именно она отчаянно борется за моральный облик своего хозяина, спасая его от убийственных «откровений», рубящих самооценку под корень. Она — главная пробка, не пропускающая благодать Христову в нашу жизнь. Никогда я не буду взирать на Христа, приступая к Нему с настойчивостью хананейки, пока не буду нестерпимо ужален грехом (Чис. 21:8). А одна из главных проблем практического освящения в том, что зачастую мы категорически несогласны, что ужалены, ибо неспособны узреть смертоносную змею в своем сердце.

Воистину, врач нужен не здоровым, но больным, что до покаяния, что после. Только испытываемая и сокрушающая нищета Духом погонит нас к Сыну Божию за исцелением. Без такой нищеты мы обречены на самоправедную исполнительность, которая полагается не на Христа, а на Его посредников — духовные дисциплины, важные и обязательные, но лишённые своего изначального предназначения. Тогда мы уповаем на себя и свои способности, принимая собственные жалкие плотские потуги за работу Духа Святого. А следом приходит упоение своей посвящённостью служению, в котором, притаившись как гадюка, ветхий человек втихую реализует свои амбиции. И, забросив своих домашних и ближних, мы ревностно «служим» чужим и дальним.

Я поражаюсь, как часто в освящении мы злоупотребляем правильными вещами, подпитывая ими нашу гордость. Как благоговейно бухаемся на колени перед посланниками, игнорируя стоящего за ними Господина. Итогом такого «духовного роста» всегда будет Отцовское милосердное вмешательство, горечь

и разочарование, ибо пока изумительная, восхитительная личность Иисуса Христа скрыта за идолами христианских «добродетелей», мы не сможем обрести истинного счастья поклонения, не сможем жертвенно любить ни Бога, ни ближнего.

Эта книга — свидетельство продолжающейся Божьей работы с моим сердцем. И, возможно, вы, как и я, подошли к некоему рубежу жизни, где происходит переосмысление всего вашего христианства. У меня именно такой период. Прошло немало времени, прежде чем я осознал, что многие составляющие праведности выдуманы мной и являются дешевыми заменителями истинной праведности. Эти плотские подделки не требуют изменения сердца, но держатся на самоконтроле — лишь одной из многих составляющих благочестия. Долго и мучительно шел я к позорному признанию, что библейские познания не могут спасти, когда «плотяра» берет за горло. А духовные практики (особенно изучение Писания и молитва), оказывается, не самоцель, но только средства достижения некой высшей благой цели, которая часто остается недостигнутой.

Как хочется быть благословением для своей семьи и церкви, практически являя характер Христа, а не только лишь умно разглагольствуя на разные духовные темы! Как было бы замечательно пустить корни веры глубоко в богопознание, так чтобы ветры искушений и испытаний не могли меня и пошевелить. Как я недоумеваю, стараясь осмыслить свою моральную ущербность, возвышающуюся надо мной, словно неприступная крепость, оцетинившаяся копиями пороков, бьющихся насмерть за обладание моим сердцем. И я осознаю свое *полное бессилие*, заставляющее меня вставать на колени молитвы и начинать свою битву *там*. Кстати, в последнее время мои молитвы — это не тихий интеллигентный утренний разговор с Богом за чашкой кофе, это отчаянные вопли тонущего, это неотступное «Сын Давидов, помилуй меня»!

Кое-что, имевшее для меня неоправданно большое значение на протяжении многих лет, померкло. По милости Божьей я увидел истинное лицо некоторых своих христианских и служительских «достижений». Суета и погоня за ветром! Разве нужна Богу моя забота о церквях, если я, спрятавшись в кабинете, чтобы готовить возвышенную проповедь, оставил жену одну барахтаться в бушующем океане воспитательно-бытовых проблем, швырнув ей Библию, как спасательный круг?! Выплывай, милая! Бог в помощь! Разве я имею право помогать чужим, не испытывая искреннего интереса к своим?! Разве могу угождать Господу, не любя жертвенно, посвященно и инициативно в первую очередь своих ближних?! Разве можно быть благочестивым, *не любя?!*

Заповедь любить Господа и ближнего — это обобщение Божьего Закона и совокупность совершенства (Матф. 22:40; Кол. 3:14). Все, что не помогает достигать этих двух целей, не имеет права называться освящением! А насколько я вижу, мы нежаждем такого освящения. Мы просто хотим жить спокойно, без потрясений и приключений, духовно возрастая, сидя на церковной лавке в воскресенье. Поэтому ставим себе какие угодно «библейские» цели и задачи, кроме самой главной — научиться любить тех, кто делает всё, чтобы их ненавидели. И мы никогда не станем похожими на Небесного Отца, пока этому не научимся (Лук. 6:35). Так что давайте поставим правильную цель. Сегодня. Сейчас. Милостивый Боже, помоги нам! Научи нас любить!

Самара 2016

Глава 1

Грехопадение

Я приглашаю вас в прошлое, к истокам нашего бытия. Попробуем добраться до самого дна эдемского бунта и обнажим сущность грехопадения, лишившего наших прародителей духовной жизни. Это поможет лучше понять, что с нами не так, на глубинном уровне видеть препятствия на пути освящения и молиться соответственно. Там произошло нечто, что определило всю историю Земли. Там — ключи к разгадкам наших желаний и стремлений. Там — история и суть нашего падшего состояния.

Если задаться вопросом, что мешает исполнять две главные заповеди — любить Господа и ближних — то, наверное, самым очевидным и общим ответом будет — любовь к себе, а если точнее, то поклонение себе. Это оно без устали покушается на трон нашего сердца даже после того, как там воссел Духом Своим Сын Божий. Самопоклонение — движущая сила богоотступничества, мощный локомотив, утягивающий нас в непокорность. Оно — сущность гордыни, о которой мы будем рассуждать в этой главе.

Гордость — это религия священного «Я». Это беспредельная зацикленность на себе, сужающая бескрайнюю Вселенную до пределов *моего* сознания. Здесь каждая мысль производится на свет главным сокровищем — мной. Это микромир с непрерывным движением мыслей-частиц по кругу: от меня, мной и ко мне. В этой религии есть Закон, который все должны исполнять, — мои желания. И все, отвергающие мой закон и «согрешающие», наказываются.

Гордость — вот внутренний враг, утаивающий от нас благословения жертвенного самоотречения, без которого немислимо послушание и поклонение Христу (Матф. 16:24). Узреть в себе самые очевидные проявления гордости способен каждый (не только христианин). Когда кто-либо, например, отказывается от очевидно необходимой помощи или стыдится поднять с земли оброненную мелочь, то обычно говорят: «Надо же, какой гордый!» И если уж кто-то решится озвучить свои недостатки, то такое исповедание обычно начинается с нее родимой — с гордости. И вроде ничего конкретного, но и самокритика какая-никакая.

Несмотря на то, что любые признательные показания — это уже похвально, следует кое-что отметить. Признавать гордость — это все равно что, потупив взор, с глубоким вздохом признавать себя жителем Земли. Все люди — жители Земли! Таким же образом все люди горды, просто здесь существует *градация очевидности*, свойственная, пожалуй, любым порокам.

Вы считаете, что есть много грехов, в отношении которых вы можете с уверенностью заявить о своей абсолютной невинности? Жадность, гнев, раздражение, недовольство, грехи уст, зависть, смехотворство, осуждение, злоречие, ложь, лесть, тщеславие, лицепрятие, мстительность, и т. д. Прошу прощения за откровенность, но все, что я перечислил, свойственно лично мне, в той или иной степени.

Я не могу сказать о себе, что я, например, не жадный. Я — жадный! Все определяется объектом сравнения. Да, я могу довольно легко расставаться с определенным количеством денег или вещей, но жертвенность бедной вдовы для меня непостижима (Лук. 21:1–4). Попробуйте призвать меня жертвовать больше, и я тут же с облегчением сошлюсь на обязательные материальные нужды своей семьи, о которой Сам Бог повелел мне заботиться через мудрое финансовое распорядительство. Ха! И чем вы побьете такой аргумент? При этом, заглядывая себе в сердце, вижу, как в определенных ситуациях я *рад*, что у меня есть такое легитимное оправдание своей недостаточной щедрости, как жена и дети. Также я сильно сомневаюсь, что тому, кто отсудит у меня верхнюю одежду, я добровольно предложу и нижнюю. Разве что только скрипя зубами. А какая давка мыслей случается в голове, когда у меня просят займы большую сумму!

То же самое касается гнева. По сравнению с очевидно гневливым человеком я — агнец. Но поставьте меня рядом со Христом, и вы поймете, что я истеричный психопат. Кроме того, все зависит от степени давления и зрительской аудитории в конкретной ситуации, в которой я стараюсь не терять самообладания. На людях вам будет очень трудно меня разозлить. Я сделаю все возможное, чтобы скрыть свои эмоции. А вот дома... мои дети отлично справляются с этой задачей.

Что касается недовольства, я, правда, совершенно другой человек по сравнению с собой двадцать лет назад. Но стоит мне сесть за руль и поехать по нашим самарским, печально известным на всю страну дорогам, и моя сдержанность уже напрямую зависит от количества пассажиров и степени их родства со мной.

Вы с удивлением спросите: «Тимур, неужели ты виновен и во лжи?» Отвечаю: «Да!» При том, что я, кажется, не буду вероломно искажать факты, называя черное белым, есть же и менее

очевидные способы соврать, на которые теперь реагирует моя совесть. Позвольте вас спросить, вам приходилось когда-либо оправдываться в ответ на *заслуженные* обличения? Можете не отвечать, знаю, что да! Так вот, замечу, что любые оправдания — это всегда, по сути, неправда. Когда вы преуменьшаете свою вину, вы лжете. Когда преувеличиваете чужую, лжете. Когда превозносите свои заслуги и преуменьшаете чужие, лжете. Когда не договариваете в интересах личной выгоды, лжете. Когда произносите стандартные фразы типа «буду за вас молиться» и не молитесь, лжете. Когда употребляете этикетную вежливость, не присоединяя к ней сердца, лжете.

— *Спасибо вам за критику*, — говорите вы, натужно улыбаясь и думая про себя: «А ты что в этом понимаешь?!»

— *Рад вас видеть!*

— *С удовольствием* пообщаюсь в другой раз!

— *К сожалению*, сейчас никак не могу уделить вам время.

— *Мы бы с радостью* пришли, но у нас уже другие планы.

— Что вы, что вы, дорогие гости, *еще совсем не поздно*, не уходите, *мы так рано спать не ложимся*.

— *Огромное спасибо!*

— *Очень сожалею!*

— *Внимательно слушаю!*

— Да нет, я *совсем не обижаюсь!*

— *Я не кричу*, это я так громко разговариваю.

— Я и так это *знал* (лишь бы не заподозрили, что не знаю).

Мне продолжить список, или уже понятно? Я в прямом смысле могу на три листа накатать вам фраз, употребляя которые вы присоединяетесь к моему исповеданию о вранье.

Так вот, с гордостью дело обстоит точно так же. Мы все без исключения горды, но в разной степени. И, избавившись от каких-то ее явных проявлений, можем даже не догадываться,

что наглядно демонстрируем с десятков других, еще пока невидимых нам, но очевидных другим. Это печальная и неизбежная правда нашей духовной близорукости.

Падение

Суть грехопадения не просто в том, что люди не послушались тогда в Эдемском саду, а в том, *почему* не послушались. Надо понять, *какое желание* двигало Евой, когда она протянула руку к запретному плоду. Это важно, ибо каждый наследует его и реализует всю свою жизнь.

⁴И сказал змей жене: нет, не умрете, ⁵но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло (Быт. 3:4–5).

Заметьте, сатана не предложил Еве поклониться ему вместо Творца. Кто бы на это согласился?! Нет, он предложил ей самой *стать богом*. Каким образом? Избавиться от наложенных на нее *ограничений*. Он призвал ее перейти с низшего уровня на высший, поднять свой статус, определенный Богом, переосмыслив концепцию «можно/нельзя». Дело не в том, что он удачно смог внушить ей, что от нее прячут что-то лучшее, без чего нельзя полноценно жить. Она и так знала, что люди не боги и ограничены в возможностях. Коварство дьявола спровоцировало ее *желание* к обожествлению себя. Она *захотела* подняться по лестнице величия, самовольно решив покинуть отведенную ей Богом нишу в замысле творения. Искусивший ее уже в полной мере дал волю той же похоти, превратившей его, однако, не в бога, а в исчадие ада.

Вот тогда-то Адам и Ева и умерли духовно, ибо разорвали драгоценную связь со своим Создателем. Они умерли, когда отвергли

Научи меня любить

свое, четко очерченное Им, *положение творения* и не менее четко обозначенное *положение исполнителя Закона*. Всю глубину этой смерти мы никогда не сможем постигнуть, ибо родились в ней. Всего безумия случившегося извращения нам не увидеть, ибо оно обезобразило наше сознание до неузнаваемости. Благодаря ей мои сыновья с огнем в глазах слушают глупые сказки, улавливая каждое слово, и сразу начинают отвлекаться, когда я читаю им детскую Библию. Перед мирским они — губка. Перед духовным — стена. Без действия благодати я такой же.

По мере возрастания мы потихоньку познаем, что значит духовная жизнь. Она начинается с первого крика покаяния и, пульсируя новыми устремлениями, постепенно разрушает лживые декорации субъективного мировосприятия, наполняя разум освобождающей истиной. Она противостоит духовной смерти, суть которой — *самопоклонение*, некогда представленное абсолютно каждой мыслью (Рим. 8:6). Разгорается духовная битва (Гал. 5:17). Именно разгорается. Поначалу наивные, мы *медленно прозреваем* к сущности и масштабам этой войны. Это яростная сеча за сокровищницу сердца.

Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни (Прит. 4:23).

Адам и Ева не уберегли свои сердца. Духовный инфаркт, случившийся в Эдеме, убил богоцентричное поклонение, остановил общение творения с Творцом и переопределил смысл жизни первого.

У поклонения много аспектов, но важный, на мой взгляд, состоит в том, что его объектом является наивысшая драгоценность (Матф. 6:21). Так было задумано Господом. Поклонение направлено на величайшее сокровище. Это то, ради чего

мы готовы на жертвы, лишения, чему посвящаем жизнь и смерть. Нравственное законодательство, которым руководствуется человек, всегда стоит на защите сокровища и его интересов. Именно сокровище устанавливает все *«можно и нельзя»!* Каково сокровище, таково и законодательство. Меняется сокровище сердца, меняется и законодательство, охраняющее его. Мы так задуманы. Глядя на поступок Адама и Евы, мы видим, что, отвергая Бога как наивысшую ценность, они сделали это ради *собственных интересов*. В тот момент «Я» затмило своего Создателя и *само стало сокровищем*.

Гордость тем и отвратительна, что создает так называемую законодательную базу для поклонения себе. Она превратила нас в собственные сокровища. Из-за нее мы любим *себя* больше всего на свете. Остальных же, даже своих детей, «любим» потребительской любовью и используем всё доступное творение для убажания себя. Вы, возможно, возразите, утверждая, что, к примеру, своих детей любите безусловно. На самом деле это не так. Они дают вам очень много радости — вот ваша плата. Поэтому вы и храните их, как зеницу ока. Мы, как сторожевые псы, денно и ночью оберегаем все, что приносит нам радость. Наша «любовь» прямо пропорциональна количеству удовольствия, которое нам приносит объект любви. А то, что нас не радует, пусть даже объективно ценное, мы оставляем без внимания.

Если на минутку вернуться к детям, то подумайте, *сколько* вашего целенаправленного, качественного внимания они получают каждый день? Немного. А *сколько* из этого внимания они *вымогают* путем нытья, воплей и неотступного следования за вами по всему дому? Продолжим, *сколько* его вы отдаете из чувства вины, понимая, что пора уже оторваться от планшета, телефона, телевизора, книги и побыть с ними? Далее, *сколько* из этого внимания вы отдаете с внутренним или озвучиваемым ропотом?

Сколько осталось? Гораздо меньше. Почему так? Потому что вы любите *себя!* Поэтому изможденные мамы (по внутренним ощущениям матери-героини) поскорее мечтают избавиться от своих любимых чад, ожидая с работы папу, как мессию. Но уставший «мессия» не торопится отдавать себя семье, ревностно оберегая свои права и привилегии кормильца, ведь «наша прелесть» заслужила отдых.

Итак, гордость — это бунт по двум направлениям: вызов пределам, очерчивающим наше положение творения, а также положение исполнителя Закона. Для прародителей человечества ограничение было всего лишь одно, пустяковое — не есть с единственного дерева в саду, *будучи сытыми!* В саду, полном изобилия, полном разнообразнейших фруктов, надо было «ограничиться» всеми плодами, кроме одного. Но это дерево было хоть и смешной, но «жертвой» своему Сокровищу, средством выражения *любви к Творцу*. Послужание было и будет главным доказательством любви к Богу.

Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди (Иоан. 14:15).

Все просто: люблю Бога (сокровище) — соблюдаю Его заповеди. Люблю себя (сокровище) — соблюдаю свои. Я не смогу радостно повиноваться Ему, *пока Он не станет моим Сокровищем*. И даже выполняя все внешние духовные ритуалы, раздуваясь от самодовольства, я внутренне буду посвящен себе. Настоящая любовь к Богу и ближнему обязывает сказать себе «нет». Мы буквально не в состоянии этого сделать, если кто-то не пересилит нашу собственную ценность.

Однако огромная опасность заключается в том, что мы можем себя во многом ограничивать из эгоистических мотивов. Вы не представляете, *как часто* мы говорим себе «нет», невидимые движимые именно себялюбием и гордыней.

[Христианский долг отвержения себя] состоит в двух вещах: во-первых, в отвержении человеком своих мирских наклонностей и в оставлении им всех мирских объектов и наслаждений; и, во-вторых, в отказе от своего природного самовозвышения, отвержении своего собственного достоинства и славы и в отречении себя; так что он свободно и от всего сердца отказывается от себя и как бы упраздняет себя. <...> И это последнее является величайшей и самой трудной частью отвержения себя... естественный человек может подойти гораздо ближе к первому, чем ко второму. Многие отшельники отказывались (хотя безо всякого истинного умерщвления) от богатства, удовольствий и обычных наслаждений мира, но они были далеки от отказа от своего собственного достоинства и самоправедности. Они никогда не отвергались ради Христа, а лишь продавали одно вожделение, чтобы питать другое; продавали звериное вожделение, чтобы лелеять дьявольское... <...> Невыразимо и почти непостижимо, как сильно естественное расположение человека к самоправедности и самовозвышению, и что он только ни готов делать и переносить, чтобы питать и удовлетворять их, и на что только шли... чтобы иметь нечто, в чем они могли бы возвысить себя перед Богом или подняться над своими собратьями¹.

Другими словами, наш ветхий человек может вести аскетичный, скромный, внешне праведный образ жизни, довольствуясь малым, терпя лишения, и все это ради того, чтобы доказать Богу и людям, что он чего-то стоит. Поэтому многие ограничения, на которые мы добровольно идем, в действительности не самоотречение, но напротив, самовозвышение. О, коварство высокомерного сердца! (Иер. 17:9)

¹ Эдвардс Д. Религиозные чувства. Пенза: Откровение, 2009. С. 274–275.